Данило Денисьевич

Кабы Волга-река да розливалосе,
Кабы тихой-де Дон тогда повыбрызгал,
На Дону-де казаки зволновалисе,
Зволновался-де Данилко-вор Денисьевич:
«Уж вы милые-де братцы, добры молодцы!
Уж вы стройте-ко Данилу нов черленой струг:
Кабы нос-де, корма по-звериному,
Ищэ хоботы метал штобы по-змеиному!
На середоцькю постройте мурамен чердак,
Во чердак ноньце краватку слоновых костей,
Потените кроватку дорогим сукном,
Испробейте кроватку золотым гвозьём!»
Ищэ тут молодцы всё не отслышелись,
Да построили Данилу нов черленой струг:
Ищэ нос-де, корма да по-звериному,
Ищэ хоботы-то мецёт по-змеиному.
На середоцькю построили мурамен чердак,
Во чердак ноньце кроватку слоновых костей,
Потенули кроватку дорогим сукном,
Испробили-то кроватку золотым гвозьём.
Ищэ стали-то они да снаряжатисе,
Ищэ стали-то ёни да сподоблятисе,
А берут они веселушка дубовыя,
Говорит-то им Данилко-вор Денисьевич:
«Уж вы милые-де братцы, добрые молодцы!
Вы гребите-ко, робята, день до вечеру,
Темну ночинькю гребите до бела свету,
Не пиваюцись гребите, не едаючись,
Да белым рукам отдоху не даваючись,
Вы гребите-ко на усьё славну тиху Дну,
Заставайте карабли новы купечески!»
Да гребут ныньце робята день до вечера,
Темну ночинькю гребут да до бела свету,
Выгребали-то на усьё славно тиху Дну,
Заставали карабли новы купечески,

Обирали вси товары, вси заморские,
Да ёттуль-то нынь Данилко поворот держит.
Да змолилисе купци да Господу Богу —
Подымалась тогда туця тёмна грозная,
Кабы выпала из туци громова стрела,
Пострелила-то Данилка всё Денисьева,
Да тогда-то нынь Данилку смерть случилосе.
Да пристали-то робята на крутой берег,
Да построили гробницу белодубову,
Погребли-то Данила во сыру землю.
Кабы едут-то робята день до вечера,
Да приходит-то тогда да ноцька темная,
Набежал-то Данилка-вор Денисьевиць,
Становил-то бы их да середи реки,
Да крычит-то, громит да зычным голосом:
«Уж вы милые братцы, добры молодцы!
Не утти-то вам будёт, не уехати!»
Как стоят-то они да вплоть до утра тут.
Кабы стал-то тогда да ныньце белой день,
Кабы пал-то Данилко вниз на землю тут,
Подъежжали-то робята ’ круту берегу,
Погребли-то Данилка во сыру землю,
Да оттуль-то робята всё поехали.
Кабы едут-то ле день да всё до ноци всё,
Как приходит-то ле ноцька ныньце тёмная,
Набежал-то Данилко-вор Денисьевич,
Становил-то бы их да середи реки;
Крычит-то, громит он зычным голосом:
«Уж вы милые братцы, добры молодцы!
Не удти-то вам будёт, не уехати,
Не сухим-то путём, да вам не водою!»
Кабы был у его да нынь подруцницёк,
Да подруцьницёк был его, постельницёк,
Да слыхал он от Данилка таково слово:
«Да не дёржит меня да мать сыра земля,
Тольки дёржит меня да нонь осинов кол!»
Да бы стала-де зоря, да тогда белой день,
Да бы пал-то Данилко вниз на землю нынь,
Подъежжали-то робята, добры молодцы,

Положили-то Данилку внич на землю всё,
Находили-то они тогда осинов кол,
Как колотят-то они да проти серьча тут —
Да осталса тут Данилко сын Денисьевич.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., с. Великая Виска Пустозерской вол. — от Шалькова Николая Петровича, 80 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.